

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-393-406

**Тематическая композиция
эмигрантского автобиографического романа:
от «Жизни Арсеньева» И. Бунина к «Дару» В. Набокова
Часть 1**

Е. В. Капинос

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Роман Бунина «Жизнь Арсеньева» представляет собой совершенно новую, отличную от классики XIX в. модель. В «Жизни Арсеньева» по-новому развивается несколько тем, в частности тема аристократической генеалогии, она намеренно разворачивается во всем богатстве своей культурно-исторической семантики. Композиционный ритм романа Бунина подчинен, как нередко и в рассказах этого автора, элегическим законам с чередованием и контрастом семантики смерти, обрыва, Провала и возрождения, связи, любви, жизни и творчества.

Набоков воспроизводит в «Даре» многие особенности разработанной Буниным модели: поэтика имени и литературная генеалогия персонажа; расширение литературных и культурных подтекстов за счет развития генеалогических мотивов и мотивов путешествия; элегическое чередование темы смерти и возрождения и ее связь с эвентуальной набоковской сюжетикой.

Ключевые слова

«Жизнь Арсеньева» И. Бунина и «Дар» В. Набокова, автобиографический роман, поэтическая генеалогия, поэтика имени персонажа, композиционный ритм, композиционная структура «Жизни Арсеньева»

Благодарности

Сердечно благодарю за помощь Э. И. Худошину, А. Я. Лapidус, С. Н. Морозова

Для цитирования

Капинос Е. В. Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа: от «Жизни Арсеньева» И. Бунина к «Дару» В. Набокова. Часть 1 // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 393–406. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-393-406

© Е. В. Капинос, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

**The Thematic Composition of an Emigrant Autobiographical Novel:
From “The Life of Arsenyev” by I. Bunin
to “The Gift” by V. Nabokov
Part 1**

E. V. Kapinos

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Bunin’s novel “The Life of Arsenyev” is a completely new model, different from the classics of the 19th century. In the novel “The life of Arsenyev” several themes are developed in a new way, in particular, the theme of aristocratic genealogy, it is deliberately deployed in all the richness of its cultural and historical semantics. The compositional rhythm of Bunin’s novel is subject, as often in the stories of this author, to elegiac laws with alternating and contrasting semantics of death, breakage, failure and rebirth, connection, love, life and creativity.

Nabokov reproduces in the novel “The gift” many features of the model developed by Bunin: poetic name and literary genealogy of the character. Expansion of literary and cultural subtexts through the development of genealogical and travel motifs; the elegiac alternation of the theme of death, rebirth and its connection with the eventual Nabokov plot.

Keywords

“The life of Arsenyev” by I. Bunin, “The gift” by V. Nabokov, autobiographical novel, poetic genealogy, poetic of character name, the compositional rhythm, the compositional structure of “The life of Arsenyev”

Acknowledgments

Special warm thanks for consultations and hints to E. I. Khudoshina, A. Ya. Lapidus, S. N. Morozov

For citation

Kapinos E. V. The Thematic Composition of an Emigrant Autobiographical Novel: From “The Life of Arsenyev” by I. Bunin to “The Gift” by V. Nabokov. Part 1. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 393–406. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-393-406

«Жизнь Арсеньева» и «Дар» лишь с некоторой долей условности можно отнести к жанру автобиографических романов: кое-что в сюжетах соответствует реальным событиям жизни авторов, но многое не соответствует; более того, оба автора предостерегали от прочтения своих текстов в автобиографическом ключе. Тем не менее героев и авторов обоих романов уподобляет друг другу, во-первых, их принадлежность к родовой русской аристократии, во-вторых, писательская профессия. Что же касается самих романов, то их сближают те художественные приемы, которые привнесли в романские биографии Алексея Арсеньева и Федора Годунова-Чердынцева поэтические и символические смыслы, позже ставшие едва ли не «канонической» принадлежностью жизнеописательной литературы русской эмиграции.

Впервые в неоконченном виде, без последней части о Лике, «Жизнь Арсеньева» вышла отдельным изданием в 1930 г. в издательстве «Современные записки»

[Бунин, 1930] после публикации четырех книг романа в 34, 35, 37 и 40-м номерах журнала «Современные записки» за 1928–1929 гг. [Бунин, 1928а; 1928б; 1928в; 1929]), через три года, в 52-м и 53-м номерах «Современных записок» была издана последняя книга романа [Бунин, 1933а; 1933б]. Всего несколько лет спустя в том же журнале (№ 63–67 за 1937–1938 гг.) без четвертой главы о Чернышевском появился набоковский «Дар» [Сирин, 1937а; 1937б; 1937в; 1938а; 1938б], целиком опубликованный уже после войны, в 1952 г., в Нью-Йорке. Небольшая временная разница между публикациями этих романов, а также тематическое сходство с укрупнением отдельных автобиографических тем, и то, как эти темы связываются между собой и повторяются на протяжении всего текста, уже является поводом провести некоторые аналогии между «Жизнью Арсеньева» и «Даром». Но это – в будущем, а в этой части мы займемся только романом Бунина, но с прицелом на будущее.

Как и положено биографии, «Жизнь Арсеньева» начинается рассказом о рождении героя, его детстве, родителях, родном доме и, в нашем случае, родовых корнях. Эта тема, прежде всего в качестве темы отцов, у Бунина, а затем и у Набокова, а затем и вообще в эмигрантском романе теряет свою экспозиционную роль; и у Набокова, и у Бунина она становится одной из главных, не ограничиваясь рамками «детских» глав, она последовательно и автономно развивается во всем тексте романа, являя неизбежно лирическую природу русского эмигрантского автобиографизма. Именно тема отцов придает эмигрантскому роману исторический ракурс, представляя историю потерянной родины как семейную историю – эта селективная черта присуща писателям, от рождения получившим в наследство разветвленную генеалогию. Герой такого автобиографического романа не только скрыто или явно погружается в генеалогические разыскания, но и дополняет свою родословную генеалогией литературной, строя ее наподобие системы связей родовых.

Исторический срез эмигрантского романа высоко контрастен: с одной стороны, герои продолжают линию своих предков, с другой стороны, эта линия оборвана, поскольку родина отцов навсегда утрачена для детей. Связность и прерывистость генеалогических цепей оформлена мотивами жизни, любви, возрождения, возобновления, продолжения – и одновременно мотивами провала, угасания, прерыва, смерти.

Композиционный ритм «Жизни Арсеньева»

Один из самых отчетливых ритмических рисунков напрямую соединен с темой родителей и отчего дома, что выявляется в чередовании усадебных глав с главами, в которых Арсеньев уезжает из родного поместья. Столь же контрастны, как темы жизни и смерти, темы отъезда героя из родных мест и ностальгии по усадьбе, родине. По мере взросления Арсеньева, он все больше отрывается от родительского дома, в то время как сам дом, усадьба ветшает, разоряется, гибнет.

В Первой книге отлучки из усадьбы совсем недолгие: это поездки в уездный город с родителями (III глава), осознание границ усадьбы, к примеру «Провала» за ригой (VI, VII), где гибнет Сенька (X), поступление в гимназию в уездном городе (XIX).

Вторая книга начинается с расставания с Каменкой, Арсеньев отправляется в уездный город учиться (I), а семья перебирается в Батурино. В XV главе Второй

книги Арсеньев бросает гимназию и возвращается из города домой, в Батурино, откуда лишь иногда выезжает к родственникам в соседнее Васильевское. Смертью родственника Арсеньевых Писарева (последняя, XIX, глава Второй книги) и его похоронами (главы I–III Третьей книги) заканчивается Вторая и начинается Третья книга.

Почти вся Третья книга тоже описывает Батурино, изредка Арсеньев ездит в город, чтобы взять книги в библиотеке (как в главе VII) или запродать зерно по просьбе отца (глава XII). Именно в Третьей, почти целиком батуринской книге, в Арсеньеве начинается желание покинуть дом.

Самая короткая, Четвертая книга, очень динамична, главы в ней небольшие, но по количеству их больше, чем в каждой из предыдущих трех книг (22 против 21, 19, 14), потому что в этой книге Арсеньев принимает окончательное решение покинуть Батурино, путешествует, ищет себе новое пристанище. Но покидает Арсеньев Батурино не сразу, прощаясь с родным имением, он объезжает с охотой соседние леса, гостит в соседних имениях, заглядывает в лермонтовскую Кроптовку – гл. VIII, бывает на ярмарках в уездном городе (глава IV)... Наконец он отправляется к брату Георгию в Харьков (главы X–XI), где проводит целую зиму (XII–XIV), а весной путешествует по Крыму (XV), затем возвращается к брату в Харьков (XVI), откуда уезжает в губернский Орел, устраивается на работу в редакцию газеты «Голос», но прежде чем приступить к работе, собирается навестить родных. В главе XIX Четвертой книги, уже на вокзале, откуда Арсеньев должен уехать домой, он видит траурный поезд с телом Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, гроб с телом великого князя сопровождает его сын, Вел. Кн. Николай Николаевич Младший, о похоронах которого почти 40 лет спустя, в Антибе, вспоминает Арсеньев в последних главах Четвертой книги (XX–XXII). Таким образом, в Четвертой книге сошлись и Харьков, и Крым, и Орел, и Антиб, но почти половина (10 из 22) глав все равно отдана родительскому имению, куда после долгого отсутствия вновь устремляется герой.

Последняя, Пятая книга, самая большая по объему, и она, как и Четвертая, полна разъездов и путешествий с возвращениями в родовую усадьбу. В финале Четвертой книги герой уже стоит на платформе орловского вокзала, собираясь уехать в Батурино, но Пятая книга вновь возвращает к орловским дням, к знакомству с Ликой и траурному поезду (I). Поразительно, что главная героиня романа появляется лишь в конце Четвертой книги, и вместе с ней для Арсеньева отрываются обширные, чужие, далекие от дома пространства. Вернувшись в Батурино (II), Арсеньев томится ожиданием новой встречи с Ликой, и на протяжении следующих глав ради встреч с ней буквально мечется между родным имением, Орлом и уездным городом, родным для Лики (III–VI). Затем, не получив благословения на венчание с Ликой от ее отца, Арсеньев проводит с Ликой целую зиму в Орле, но в главе X отец увозит Лику из Орла домой, в уездный город. Пожив какое-то время в одиночестве в Орле (X–XV), Арсеньев отправляется путешествовать (XVI) на юг, в Полоцк, Витебск, а на обратном пути заезжает совсем ненадолго в Петербург, но все это большое путешествие укладывается лишь в одну главу, любовь к Лике вынуждает Арсеньева вернуться в уездный город, к Лике (XVI), а вскоре они, уже вместе, отправляются в Малороссию, перед этим проведя Пасхальную неделю в Батурино с родителями и сестрой Арсеньева (начало главы XVIII). Главы XVIII–XXIX посвящены жизни с Ликой в «глухом малорусском

городке», который, как и «уездный город» (в отличие от губернского Орла), не назван в романе. В главе XXIX Лика навсегда покидает Арсеньева, а он, едва пережив ее отъезд, отправляется вновь в родное имение (XXX), не оставляя попыток встретиться с Ликой. Весной, живя в родительском доме, Арсеньев узнает, что Лика «в неделю умерла» после возвращения из Малороссии от воспаления легких. Финал романа о любви и памяти к Лике написан от лица Арсеньева-эмигранта, затекстовый топоним «Приморские Альпы, 1927–1929, 1933» завершает пространственно-темпоральную композицию романа, который заканчивается одновременно во Франции воспоминаниями Арсеньева-автора о своей давней любви, и в родовом имении, куда Арсеньев возвращался десятки раз на протяжении всего романа и где в финале переживает сначала тяжелую разлуку с возлюбленной, а потом узнает о ее смерти.

Родные усадьбы – Каменка и Батурино – определяют романное «я» Арсеньева, они задают постоянные темы романа: дом, родословная, природа и поэзия, которые вынуждают Арсеньева устремляться навстречу миру, любви, творчеству. Ритм отъездов и возвращений отражает ритм взросления и соприкосновения с бескрайним, притягательным. И в то же время мир отторгает героя: вместе с любовью, творчеством и наслаждением приходят муки ревности, томление обыденностью, разлука, смерть.

Вторая линия романного ритма – элегический круг времен года. Элегической поэзией проникнуто все повествование «Жизни Арсеньева», что объединяет роман с рассказами Бунина на темы заброшенных усадеб, разоренных родовых гнезд, покинутых навсегда родных мест, таких как «Несрочная весна» (1923), «Поздний час» из «Темных аллей» и мн. др. Весь элегический круг времен года проходит сквозь роман, и почти во всех случаях книги романа и отдельные периоды в «Жизни Арсеньева» заканчиваются или, напротив, начинаются весной. На границе Второй и Третьей книг – это весна со смертью и похоронами Писарева и влюбленностью в Анхен, конец Третьей книги – весна расставания с горничной Тонькой, первой страстной, чувственной любовью Арсеньева, Четвертая книга завершается, а Пятая начинается весной знакомства с Ликой, совпавшей со смертью Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего и напомнившая автору о похоронах Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего на Антибе много лет спустя. Наконец именно весной Арсеньев узнает о смерти Лики в финале Пятой книги романа.

Попытаемся подробно описать все те смыслы, которые несет в себе тема отчего дома, более всего привлекающая внимание к фигуре отца Арсеньева. Череда беспрестанных возвращений в родовое поместье согласуется с традиционными элегическими темами в духе *Heimkehr*, с кладбищенскими и руинными темами, и очевидно, что притяжение к отчужденному дому, привязанность к «отческим гробам» некоторым образом сбалансирована в судьбе Арсеньева с любовью к Лике и с поэзией.

Ономастическая поэтика романа Бунина

В «Жизни Арсеньева» тема отца естественным образом возникает на протяжении всего романа, и она постепенно набирает символические смыслы, становясь темой «отцов», предков, в прошлом блистательного и богатого, а теперь оскудевшего, угасающего рода. Последним представителем этого рода становится отец героя, в своей очаровательно расточительной и бесцельной жизни символически

соединивший характерные черты своих предков. А его сын Алексей, являясь во многом «двойником» отца, становится тем, кому предстоит переплавить на потребу своего поэтического дара как достоинства старинного русского дворянства, так и его грехи и пороки – обратную сторону ставших никому не нужных достоинств – и тем самым оправдать и своих предков, и прежде всего отца. Поэтому, приступая к пристальному рассмотрению «Жизни Арсеньева», следует обратить внимание на любые символические обертоны этого образа.

Начнем с имени отца. Как уже не раз было отмечено, это имя – Александр Сергеевич Арсеньев – перенасыщено литературным и историческим подтекстом. Александр Сергеевич – имя великого поэта, стихи которого были с героем романа с самых ранних лет.

Пушкин был для меня в ту пору подлинной частью моей жизни.

Когда он вошел в меня? Я слышал о нем с младенчества... Мать иногда читала мне (певуче и мечтательно на старомодный лад, с милой томной улыбкой): «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел», – и я спрашивал: «С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?» Она читала: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я», – и я видел этот цветок в собственном девичьем альбоме» [Бунин, 1966, т. 6, с. 126] ¹.

Но «Арсеньев» – фамилия лермонтовская ²: предков поэта по материнской линии, его деда и бабушки, владельцев родового имения Тарханы, где вырос поэт (в этом его детство похоже на детство Алексея Арсеньева). В романе имеется прямая повествовательная отсылка к биографии Лермонтова и даже именно к его детской биографии ³, – при этом всем известные Тарханы не упоминаются: Алексей Арсеньев часто бывает в мало кому известной Кроптовке, родовом имении отца поэта, Ю. М. Лермонтова:

От Лобанова я повернул наконец назад. Проехал Шипово, потом въехал в ту самую Кроптовку, где было родовое имение Лермонтовых. Тут я отдохнул у знакомого мужа, посидел с ним на крыльчке, выпил квасу. Перед нами был выгон, за выгоном – давно необитаемая мелкопоместная усадьба, которую красил немного только сад, неподвижно поднимавший в бледно-голубом небосклоне, за небольшим старым домом, свои черные верхушки. Я сидел и, как всегда, когда попадал в Кроптовку, смотрел и думал: да ужели правда, что вот в этом самом доме бывал в детстве Лермонтов, что почти всю жизнь прожил тут его родной отец?.. Да, вот Кроптов-

¹ Далее в тексте цитаты из «Жизни Арсеньева» будут приводиться по этому изданию с указанием в скобках номеров страниц.

² О «лермонтовском тексте» «Жизни Арсеньева» упомянуто в монографии Е. Е. Анисимовой, где высказывается еще целый ряд идей о поэтике имен бунинских персонажей. «Герою своего автобиографического романа, – пишет исследовательница, – Бунин дает родовую фамилию М. Ю. Лермонтова по материнской линии (по сути, поэт был воспитан своей бабушкой и крестной Е. А. Арсеньевой) <...> “Лермонтовский текст” романа усиливается посещением Алексеем Арсеньевым Кроптовки, родового имения Лермонтовых» [Анисимова, 2016, с. 143].

³ Дед М. Ю. Лермонтова, Михаил Васильевич Арсеньев, до женитьбы на бабушке Лермонтова, Елизавете Алексеевне Столыпиной, был елецким помещиком. Елец – родной город Бунина, оставленный в романе без имени и описанный как «уездный город», таким образом, географические коннотаты, тоже, возможно, сыграли свою роль в выборе имени героя.

ка, этот забытый дом, на который я никогда не могу смотреть без каких-то бесконечно грустных и неизъяснимых чувств... (с. 156).

Литературные подтексты вроде бы очевидны, но все-таки следует уточнить: в романе, насыщенном цитатами из поэзии «золотого века», все пушкинско-лермонтовское к нему и отсылает, заключая в него и тех поэтов, что ему предшествовали: не только Пушкин, Лермонтов, Жуковский и Баратынский, но и Державин, и Сумароков, и поэтесса А. П. Бунина, тем более что она и Жуковский – родственники автора: так же как Лермонтов – родственник Арсеньевых. Само же имя «Александр», изъятое отдельно, – столь же очевидная отсылка к именам трех императоров на российском троне, а вместе с ними – к поэзии Серебряного века, где блистательный и благополучный XIX век принято было именовать «александровской эпохой».

Здесь сразу же следует подчеркнуть, что в романе, описывающем взросление юноши, ищущего самоосуществления, юноши, еще не знающего, что он найдет его на путях поэзии, такие, казалось бы, мелкие или бытовые события, как убийство грача, совершенное им в раннем возрасте, со странным, его самого удивившим наслаждением, или гибель лошади, или первые проявления пробуждающейся чувственности, или продажа имения, как и другие признаки оскудения, грозящие смертью семьи и рода, – важнейшие события, в отличие от большой истории, которая просто не существует в его детской усадебной жизни, как и в жизни уездного города, и даже губернского, в котором молодой поэт переживает свою первую известность и свою любовь, между тем как эта история уже чревата будущей катастрофой, которая совершенно изменит, если не разрушит, и его собственную жизнь, и жизнь всей России. Кажется странным, что в романе, написанном писателем, пережившим и эту катастрофу, и эмиграцию, история как будто бы вовсе отсутствует. Но это не так: на самом деле она представлена в виде огромных пустот, на которые указывают отдельные, очень немногие эпизоды.

Например, главе II Четвертой книги герой, давно уже живущий в эмиграции, вспоминает свою юность, рядом с которой, не замечаемые им, присутствовали исторические лица, в том числе Александр III:

Опять, еще раз, была весна. И опять казалась она мне такой, каких еще не было, началом чего-то совсем непохожего на все мое прошлое. <...>

Какие далекие дни! Я теперь уже с усилием чувствую их своими собственными при всей той близости их мне, с которой я все думаю о них за этими записями и все зачем-то пытаюсь воскресить чей-то далекий юный образ. Чей это образ? Он как бы некоторое подобие моего вымышленного младшего брата, уже давно исчезнувшего из мира вместе со всем своим бесконечно далеким временем. <...>

Сказка, легенда все эти лица, их жизни и эпохи!

Точно такие же чувства испытываю я теперь, воскрешая образ того, кем я был когда-то. Был ли в самом деле? Был молодой Вильгельм Второй, был какой-то генерал Буланже, был Александр Третий, грузный хозяин необъятной России... И была в эти легендарные времена, в этой навсегда погибшей России весна, и был кто-то с темным румянцем на щеках, с синими яркими глазами, зачем-то мучивший себя английским языком, день и ночь таивший в себе тоску о своем будущем, где, казалось, ожидала его вся прелесть и радость мира (с. 147–149).

В жизни самого этого «юноши с ярким румянцем» была встреча с одним из членов царской семьи. Редактор журнала, выходящего в Орле, Авилова (чеховская фамилия!), едущая, по обязанности, на вокзал встречать царский поезд, берет Алексея Арсеньева с собой, и он единственный раз за всю свою юность становится свидетелем исторического события: остановки на орловском вокзале траурного поезда, везущего в Санкт-Петербург тело умершего в Ливадии Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, в сопровождении Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего:

Тут вся толпа встречающих подалась назад, а из среднего вагона тотчас вслед за тем мягко и точно остановившегося поезда быстро появился и шагнул на красное сукно, заранее разостланное на платформе, молодой, ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, с прямыми и резкими чертами лица, с тонкими, энергично и как бы несколько презрительно изогнутыми ноздрями, с чуть-чуть выдвинутым подбородком, совершенно поразивший меня своей нечеловеческой высотой, длиной тонких ног, зоркостью царственных глаз, больше же всего гордо и легко откинутой назад головой в коротких и точно гофрированных ярко-русых волосах и крепко и красиво вьющейся острой бородкой... (с. 186)⁴

В тексте не сказано, чье тело везут из Ливадии в траурном поезде и в каком году это происходит⁵, – может быть, потому, что позже, спустя целую жизнь и за границами повествования, Алексей Арсеньев будет присутствовать на похоронах того самого, так поразившего его воображение гиганта-гусара, Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего (этой сценой завершается Четвертая книга романа (глава XXI):

Внезапно вижу на крыльце то, чего не видел уже целых десять лет и что поражает меня как чудодейственно воскресшая вдруг передо мной вся моя прежняя жизнь: светлоголазого русского офицера в гимнастерке, в погонах...

Затем вижу и чувствую подробности. <...>

⁴ Эпизод встречи траурного поезда биографический, в воспоминаниях В. Н. Буниной сохранилась запись о том, что 22 апреля 1891 г. Бунин стал свидетелем остановки в Орле траурного поезда с телом Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего, скончавшегося в Крыму. См.: [Летопись, 2011, с. 98].

⁵ Дело в том, что через 3,5 года (20 октября 1894 г.) тоже в Ливадии умер Александр III, о чем Бунин оставил запись в дневнике от 20 окт. (ст. стиля) за 1894 г.: «в 2 ч. 45 м. смерть Александра III в Ливадии. Привезен в Птб. 1 ноября. Стоял в Петропавловском соборе до 7 ноября (до похорон)» [Бунин, 2011, с. 24]. Поскольку в романе намеренно не названо имя того, чье тело везут в траурном поезде, и год произошедшего события, то появляется возможность спутать смерть Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего и Александра III. Событие теряет определенность, становится общим знаком смерти Романовых.

Однако в биографии молодого Бунина двумя этими смертями, Вел. Кн. Николая Николаевича Старшего и императора Александра III, отмечены совершенно разные жизненные периоды. Смерть Александра III (о которой не упоминается в романе) оказалась некоторым образом связанной с расставанием с В. В. Пашенко, послужившей прототипом Лики: «20 октября 1894 года в Ливадии умер Александр III, 4 ноября, в день присяги Николая II, В. Пашенко осталась дома одна. Все мужчины отправились в собор и приходские храмы. Варвара Владимировна, отпустив со двора прислугу, оставила странную записку: Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом», – и, захватив что-то из своих вещей, бежала из Полтавы», это воспоминание зафиксировано в дневнике В. Н. Буниной [Двинятина, 2014, с. 27].

В глубине угла, за гробовым возглавием, робко и нежно, как в детской спальне, теплится на столике перед древним серебряным образом лампадка. Чуть не все остальное занято гробом-саркафагом. Он тоже странно расширен в боках, необыкновенно долог и глубок, блещет своей новизной, полировкой, ладностью – и страшен тем, что в нем заключается другой, цинковый гроб, который изнутри обит белым рытым бархатом⁶. <...>

Сам же он, вытянутый во весь свой необыкновенный рост и до половины покрытый трехцветным знаменем, лежит еще неподвижнее. Голова его, прежде столь яркая и нарядная, теперь старчески проста и простонародна. Поседевшие волосы мягки и слабы, лоб далеко обнажен. Голова эта кажется теперь велика, – так детские худы и узки стали его плечи. Он лежит в старой, совсем простой рыже-серой черкеске, лишенной всяких украшений, – только Георгиевский крест на груди, – с широкими, но не в меру короткими рукавами, так что выше кисти, – длинной и плоской, – открыты его большие желтоватые руки, неловко и тяжело положенные одна на другую, тоже старческие, но еще могучие, поражающие своей деревянностью и тем, что одна из них с грозной крепостью, как меч, зажала в кулаке древний афонский кипарисовый крест, почерневший от времени... (с. 188–189).

⁶ И в дневнике Г. Кузнецовой (запись от 6 и 13 января 1929 г.), и в дневнике В. Н. Буниной (запись от 6 и 7 января 1929 г.) остались воспоминания о смерти Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего [Кузнецова, 2001, с. 106, 108; Бунин, 2005, с. 157–158], причем у В. Н. Буниной сцена прощания описывается довольно подробно, с перечислением многих деталей, которые есть у Бунина. Хочется обратить внимание на то, что нет в дневнике В. Н. Буниной упоминания о цинковом гробе, между тем, кажется, это значимая для Бунина подробность. Вел. Кн. Николай Николаевич умер на Антибе и был похоронен в Каннах, в церкви Св. Архангела Михаила. В 2014 г. в связи с перезахоронением праха великого князя в Москве (перезахоронение было проведено в 2015 г.) внучатый племянник Вел. Кн. Николая Николаевича Дмитрий Романович Романов огласил устное завещание великого князя: быть похороненным на родине рядом с погибшими воинами Первой мировой войны. Трудно верифицировать достоверность этого завещания, но в художественном сознании Бунина, безусловно, существовало предположение, что прах членов императорской фамилии должен вернуться в Россию. Так, очерк Бунина «Его Высочество» заканчивается описанием гроба принца Петра Александровича Ольденбургского: «Гроб его стоит теперь в подземелье русской церкви в Каннах, ожидая России, успокоения в родной земле» [Бунин, 1959, с. 140]. Такая деталь, как цинковый гроб, позволяет видеть в сцене похорон великого князя повторяющийся бунинский сюжет возвращения на родину, возможного в разных вариантах: в памяти, в гробу («Господин из Сан-Франциско», «Смерть в Ялте»), во прахе и пр. В «Жизни Арсеньева» излюбленный бунинский сюжет перемещения мертвого тела в гробу варьируется разнообразно, он имеет отношение не только к потенциальному возвращению на родину с Лазурного берега праха Вел. Кн. Николая Николаевича Младшего и траурному поезду, везущему гроб с телом его отца из Ливадии в Петербург, но и к похоронам Надсона. Описание этих похорон поразило воображение шестнадцатилетнего Арсеньева, начинающего поэта: «Но все равно – Надсон был “безвременно погибший поэт”, юноша с прекрасным и печальным взором, “угасший среди роз и кипарисов на берегах лазурного южного моря...”. Когда я прочел зимой о его смерти и о том, что его металлический гроб, “утопающий в цветах”, отправлен для торжественного погребения в морозный и туманный Петербург, я вышел к обеду столь бледный и взволнованный, что даже отец стал тревожно поглядывать на меня...» (с. 122). Возможно, еще одним скрытым фоном этого сюжета стало возвращение из Германии в Россию гроба с телом Чехова в вагоне для перевозки свежих устриц.

Эти два эпизода торжественных похорон двух великих князей и четырежды повторенного не случайного имени Николай, конечно, символичны, ассоциируясь с двумя несчастливцами Романовыми на русском троне: Николаем I и Николаем II, они возвращают нас, к семейной истории и не случайному, как выясняется, имени одного из братьев Алексея Арсеньева: Николай, так же как и к имени еще одного гусара, того самого дяди, который погиб в Севастополе и о котором ребенком, слушая пушкинские стихи, вспоминал Алексей Арсеньев: «С каким гусаром, мама? С покойным дяденькой?». О погибшем дяде Николае вспоминает и повзрослевший Алексей Арсеньев в своей первой поездке в Крым, продиктованной эстетическими, ностальгическими переживаниями:

Но я шел на всё – где-то там, вдали, меня ждала отцовская молодость.

Видение этой молодости жило во мне с младенчества. Это был какой-то бесконечно-давний осенний день. В этом дне было что-то грустное, но и бесконечно счастливое. Было что-то, что связывалось с моим смутным представлением дней Крымской войны: какие-то редуты, какие-то штурмы, какие-то солдаты того особенного времени, что называлось «крепостным», и смерть на Малаховом кургане дяди Николая Сергеевича, великана и красавца, полковника, человека богатого и блестящего, память которого в нашей семье была всегда окружена легендой. А главное – был в этом дне какой-то пустынный и светлый приморский холм, а на этом холме, среди камней, какие-то белые цветы вроде подснежников, что росли на нем только потому, разумеется, что еще в младенчестве слышал я как-то зимой слова отца:

– А мы, бывало, в Крыму, в это время цветочки рвали в одних мундирчиках!
(с. 174)

В севастопольском эпизоде из Четвертой книги впервые назван по имени погибший в Крымской войне дядя Арсеньева Николай Сергеевич, его образ оживляет не только пушкинские, но и лермонтовские ассоциации, причем как поэтические, так и биографические: с гусарской поэзией Д. Давыдова, с батальной лирикой К. Н. Батюшкова, а также с Лермонтовым-корнетом Лейб-гвардии гусарского полка и известными его портретами в красном доломане.

И вот теперь мы можем наконец задать вопрос: а имя героя откуда? Известный и само собой разумеющийся ответ: это имя отца Бунина, что очень важно для всей «отцовской» темы романа, но не мешает, на наш взгляд, прибавить к нему еще одно имя из лермонтовского биографического и поэтического дискурса: имя Алексея Аркадьевича Столыпина (Монго)⁷, кузена Лермонтова и одного из самых любимых его друзей, которому посвящена поэма «Монго». А. А. Столыпин был секундантом Лермонтова в его дуэлях с де Барантом и Мартыновым, и его образ, созданный биографами Лермонтова и самим поэтом в посвященных ему стихах, коррелирует с образами и отца, и дяди Алексея Арсеньева. К тому же в его судьбе много черт, роднящих его с отцом Бунина: оба они принимали участие в той же Крымской кампании, и оба встречались там с Л. Толстым – и это очень важный для Бунина эпизод жизни его отца⁸. В очерке «Толстой» мемуар

⁷ Благодарю Э. И. Худошину за подсказку этой идеи.

⁸ См.: [Ашукина-Зенгер, 1948, с. 749–754]. Приведем здесь несколько портретов А. А. Столыпина (Монго) из мемуаров, они очень живописны и похожи на черновые наброски портрета литературного героя. Из воспоминаний М. Н. Логинова: «Это был совершенный красавец, красота его, мужественная и вместе с тем отличавшаяся какой-то нежно-

о встречах отца с Толстым излагается из первых уст. Сначала Бунин вспоминает, как слышал о Толстом от отца:

В отрочестве чувства к Толстому были у меня уже не простыми. Отец говорил:
– Я его немного знал. Во время севастопольской кампании встречал, играл с ним в карты в осажденном Севастополе...
И помню, я на него смотрел с восторженным удивлением: живого Толстого видел! [Бунин, 1959, с. 65].

Позже, юноше-Бунину, увлекшемуся толстовством, тоже выпадает случай встретиться с Толстым и говорить с ним. Едва глянув на Бунина и услышав его фамилию, Толстой тут же вспоминает о его отце:

– Бунин? Это с вашим батюшкой я встречался в Крыму? Вы что же, надолго в Москву? Зачем? Ко мне? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть целью жизни... Садитесь, пожалуйста, и расскажите о себе... [Там же, с. 73].

Конечно, в качестве «лермонтовского» имя героя романа, так же как подтекст гусарских лермонтовских стихов и гусарской поэмы «Монго», ведет и в XX век, к Петру Столыпину, у которого с Лермонтовым был общий прадед. И смерть Столыпина, и грозные события последующих лет в романе Бунина, как уже было сказано, минусованы, но тем явственнее, благодаря всем этим отсылкам, подражаниям и эмиграции, вся «середина» жизни Арсеньева, и это полное умолчание создает сильнейший смысловый эффект: все оборванные исторические смысловые линии читатель сам восстанавливает в своем сознании, произвольно расширяя и углубляя тот объем, который должна вместить столь обширная и совсем не заполненная сюжетная и хронологическая лакуна. А герой романа, унаследовавший имя Алексея Столыпина, получает, таким образом, в лице своего отца, еще одно литературное наследство: Печорина и тургеневского Павла Петровича, прообразом которых был гусар «Монго»⁹.

Чтобы закончить тему имен, отметим, что Бунин с его любовью к анаграммам фонетически связал ключевые имена романа: Александр – Алексей – Лика, в свя-

стью, была бы названа у французов “proverbiale”. Он был одинаково хорош и в лихом гусарском ментике, и под барашковым кивером нижегородского драгуна, и, наконец, в одеянии современного льва, которым был вполне, но в самом лучшем значении этого слова. Изумительная по красоте внешняя оболочка была достойна его души и сердца. Назвать Монго-Столыпина – значит для людей нашего времени то же, что выразить понятие о воплощенной чести, образце благородства, безграничной доброте, великодушии и беззаветной готовности на услугу словом и делом» (цит. по: [Недумов, 2011, с. 129]). Из воспоминаний кн. М. Б. Лобанова-Ростовского: «Здесь я познакомился с красавцем Монго, получившим это прозвание от великолепной белой ньюфаундленской собаки, носившей эту кличку. Он только что вернулся из Кавказской экспедиции и шеголял в восточном архалуке и в огромных красных шелковых шароварах, лежа на персидских коврах и курия турецкий табак из длинных пятифутовых черешневых чубуков с константинопольскими янтарями. Он еще не сделался тогда блестящим фатом» (цит. по: [Герштейн, 1986, 164]).

⁹ Та же ономастическая поэтика присуща «Митиной любви» (1924): полное имя главного героя – Мити – Дмитрий Павлович, и оно повторяет имя Вел. Кн. Дмитрия Павловича Романова, упомянутого в финале «Чистого понедельника».

зи с чем припомним в качестве прецедента имя Ивлева (анаграмма от Иван Алексеевич¹⁰), alter ego Бунина в некоторых его новеллах.

Следует сказать, что развернутой «исторической» биографии отца в романе нет. Буквально пара фраз в экспозиции «Жизни Арсеньева» посвящена его прошлому: «...был он когда-то на войне в каком-то Севастополе, а теперь охотник, удивительный стрелок» (с. 14), «Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много “промотал” в Крымскую кампанию»... (с. 24). Все остальное, сказанное об отце, – отдельные штрихи, но важнее всего оказывается то, что спрятано, но в то же время явлено в отсылках, внутренних связях, сюжетных и ассоциативных, которые и делают фигуру отца столь значимой, тем более, что сам Алексей Арсеньев, будучи во всех смыслах наследником и своего рода копией отца, своим образом его косвенно тоже представляет. Может быть, именно это и натолкнуло Набокова на мысль поставить образ отца в центр своего романа, рядом с сыном, пишущим о его жизни и пытающимся угадать время и место его смерти¹¹.

Список литературы

- Анисимова Е. Е.* Творчество В. А. Жуковского в рецептивном сознании русской литературы первой половины XX века. Красноярск: Изд-во СФУ, 2016. 467 с.
- Ашукина-Зенгер М.* О воспоминаниях В. В. Боборыкина о Лермонтове // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 45–46. С. 749–754.
- Бунин И. А.* Бунин в своих дневниках. М.: Книга по требованию, 2011. 188 с.
- Бунин И. А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1959. 274 с.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Истоки дней. Париж: Изд-во «Современные записки», 1930. 264 с.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 1 // Современные записки (Париж). 1928а. № 34. С. 5–75.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 2 // Современные записки (Париж). 1928б. № 35. С. 5–72.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 3 // Современные записки (Париж). 1928в. № 37. С. 5–56.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 4 // Современные записки (Париж). 1929. № 40. С. 5–63.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 5: [гл. I–XIV] // Современные записки (Париж). 1933а. № 52. С. 5–65.
- Бунин И. А.* Жизнь Арсеньева. Кн. 5: [гл. XV–XVI] // Современные записки (Париж). 1933б. № 53. С. 5–26.
- Бунин И. А.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 6. 340 с.
- Бунин И. А.* Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы. Франкфурт-на-Майне: Посев, 2005. Т. 2. 431 с.

¹⁰ См. об этом: [Капинос, 2014, с. 95–142].

¹¹ К примеру, имя героя, Годунова-Чердынцева, В. Набоков подбирает в манере Бунина. Из комментария к роману известно, что В. Набоков попросил своего знакомого по берлинским литературным кружкам Н. В. Яковлева «отыскать старинную русскую фамилию угасшего боярского рода, которая состояла бы из трех слогов, имела амфибрахическое ударение и содержала бы шипящую согласную. 18 и 27 января 1934 г. Яковлев послал Набокову два небольших списка таких фамилий, обнаруженных в справочнике “Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской Империи”» [Долинин, 2019, с. 19–20].

Капинос Е. В. Тематическая композиция эмигрантского автобиографического романа

Герштейн Э. Судьба Лермонтова. М.: Худож. лит., 1986. 351 с.

Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия // Бунин И. А. Стихотворения: В 2 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. Т. 1. С. 5–91.

Долинин А. А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар». М.: Новое издательство, 2019. 648 с.

Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянских культур, 2014. 340 с.

Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. М.: Изд-во «Олимп», Изд-во АСТ, 2001. 416 с.

Летопись жизни и творчества И. А. Бунина / Сост. С. Н. Морозов. М.: ИРЛИ РАН, 2011. Т. 1 (1870–1909). 944 с.

Недумов С. И. Лермонтовский Пятигорск. Грозный: Кн. изд-во, 2011. 264 с.

Сирин В. Дар // Современные записки (Париж). 1937а. № 63. С. 5–87.

Сирин В. Дар // Современные записки (Париж). 1937б. № 64. С. 98–150.

Сирин В. Дар // Современные записки (Париж). 1937в. № 65. С. 5–70.

Сирин В. Дар // Современные записки (Париж). 1938а. № 66. С. 5–42.

Сирин В. Дар // Современные записки (Париж). 1938б. № 67. С. 69–146.

References

Anisimova E. E. *Tvorchestvo V. A. Zhukovskogo v retseptivnom soznanii russkoy literatury pervoy poloviny XX veka* [V. A. Zhukovsky's creativity in the receptive consciousness of Russian literature of the first half of the 20th century]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Press, 2016, 467 p. (in Russ.)

Ashukina-Zenger M. *O vospominaniyakh V. V. Boborykina o Lermontove* [About V. V. Boborykin's memories of Lermontov]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [The Literary heritage]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1948, vol. 45–46, p. 749–754. (in Russ.)

Bunin I. A. *Vospominaniya* [Memories]. Paris, Renaissance, 1959, 274 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Bunin v svoikh dnevnikakh* [Bunin in his diaries]. Moscow, Book on demand, 2011, 188 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Ustami Buninykh: dnevnik Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy* [Through the mouth of the Bunins: the diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 2005, vol. 2, 431 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Zhizn' Arsenieva. Istoki dney* [The Life of Arseniev. The origins of the days]. Paris, Publishing house "Contemporary Papers", 1930, 264 p. (in Russ.)

Bunin I. A. *Zhizn' Arsenieva. Kn. 1* [The Life of Arseniev. Book 1]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Papers], 1928, vol. 34, p. 5–75. (in Russ.)

Bunin I. A. *Zhizn' Arsenieva. Kn. 2* [The Life of Arseniev. Book 2]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Papers], 1928, vol. 35, p. 5–72. (in Russ.)

Bunin I. A. *Zhizn' Arsenieva. Kn. 3* [The Life of Arseniev. Book 3]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Papers], 1928, vol. 37, p. 5–56. (in Russ.)

Bunin I. A. *Zhizn' Arsenieva. Kn. 4* [The Life of Arseniev. Book 4]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Papers], 1929, vol. 40, p. 5–63. (in Russ.)

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

Bunin I. A. Zhizn' Arsenieva. Kn. 5, gl. I–XIV [The Life of Arseniev. Book 5, chapters I–XIV]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1933, vol. 52, p. 5–65. (in Russ.)

Bunin I. A. Zhizn' Arsenieva. Kn. 5, gl. XV–XVI [The Life of Arseniev. Book 5, chapters XV–XVI]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1933, vol. 53, p. 5–26. (in Russ.)

Bunin I. A. Collected works. In 9 vols. Moscow, Fiction, 1966, vol. 6. (in Russ.)

Gershteyn E. Sud'ba Lermontova [Lermontov's Fate]. Moscow, Fiction, 1986, 351 p. (in Russ.)

Dolinin A. A. Kommentariy k romanu Vladimira Nabokova "Dar" [The commentary on the novel "The Gift" by Vladimir Nabokov]. Moscow, New Publishing House, 2019, 648 p. (in Russ.)

Dvinyatina T. M. Ivan Bunin: zhizn' i poeziya [Ivan Bunin: life and poetry]. In: Bunin I. A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. Intr., comp., prep. of the text, notes by T. Dvinyatina. St. Petersburg, Pushkin House Publ., Vita Nova, 2014, vol. 1, p. 5–91. (in Russ.)

Kapinos E. V. Poeziya primorskikh Al'p: rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov [Poetry of the coastal Alps: the stories of I. A. Bunin of the 1920s]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2014, 340 p. (in Russ.)

Kuznetsova G. N. Grasskiy dnevnik [Grasse diary]. Moscow, Olympus, AST Publ., 2001, 416 p. (in Russ.)

Letopis' zhizni i tvorchestva I. A. Bunina [The chronicle of the life and work of I. A. Bunin]. Comp. by S. N. Morozov. Moscow, Institute of World Literature RAS, 2011, vol. 1 (1870–1909), 944 p. (in Russ.)

Nedumov S. I. Lermontovskiy Pyatigorsk [Pyatigorsk of Lermontov]. Grozny, Book Publishing House, 2011, 264 p. (in Russ.)

Sirin V. Dar [The Gift]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1937, vol. 63, p. 5–87. (in Russ.)

Sirin V. Dar [The Gift]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1937, vol. 64, p. 98–150. (in Russ.)

Sirin V. Dar [The Gift]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1937, vol. 65, p. 5–70. (in Russ.)

Sirin V. Dar [The Gift]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1938, vol. 66, p. 5–42. (in Russ.)

Sirin V. Dar [The Gift]. *Sovremennye zapiski [Contemporary Papers]*, 1938, vol. 67, p. 69–146. (in Russ.)

Сведения об авторе

Капинос Елена Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)
dzerv@mail.ru

Information about the Author

Elena V. Kapinos – Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)
dzerv@mail.ru